

СОДЕРЖАНИЕ

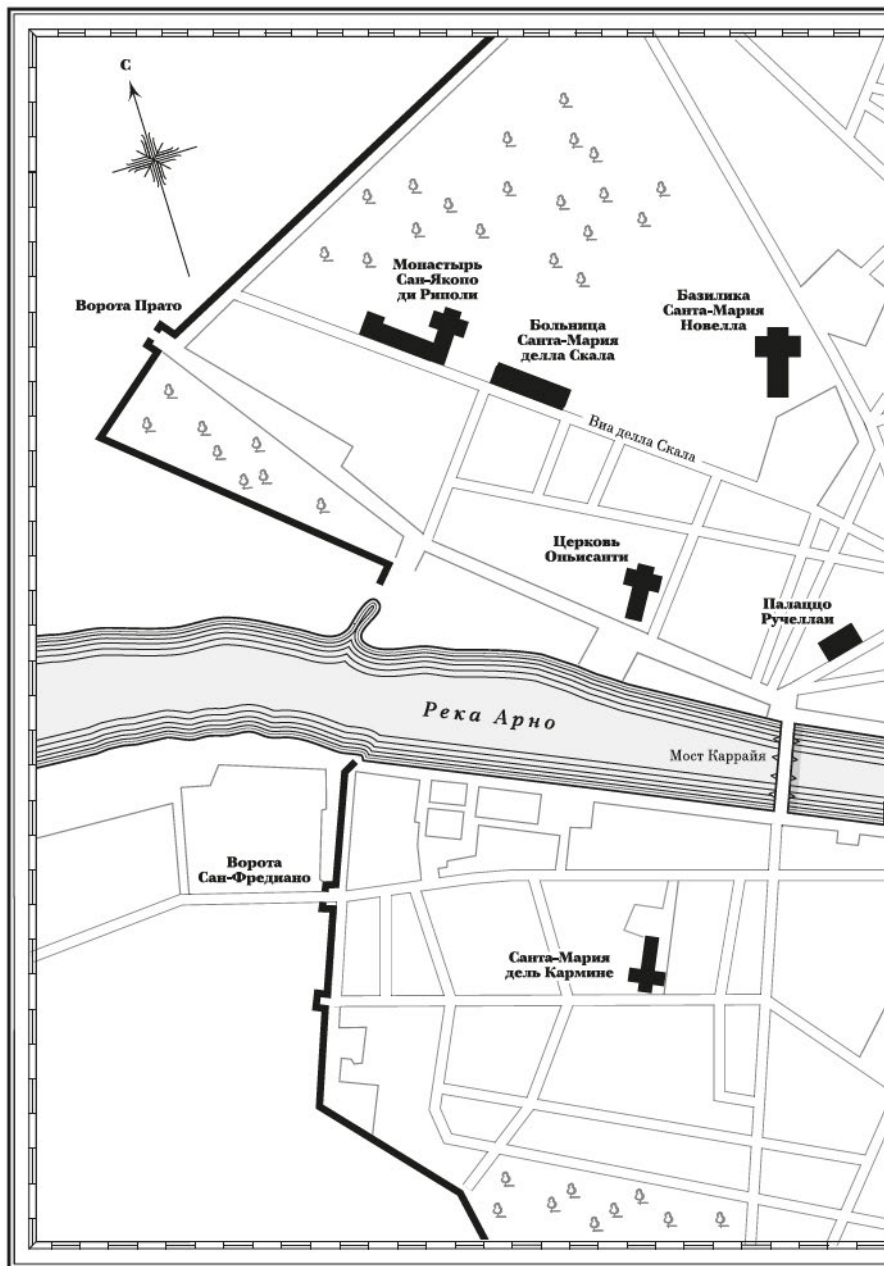
Глава 1. Улица Книготорговцев	11
Глава 2. Пречистый древний свет	26
Глава 3. Дивные сокровища	49
Глава 4. Афины на Арно	59
Глава 5. Мудрецы с Востока	84
Глава 6. Веспасиано Mangiadore	109
Глава 7. Античное письмо	132
Глава 8. Высокопоставленные друзья	151
Глава 9. Падение Греции	168
Глава 10. Удивительный человек	181
Глава 11. Королевские декады	200
Глава 12. Достоинство и превосходство	219
Глава 13. Дух Платона	233
Глава 14. Uomini da Vene e Letterati	251
Глава 15. Гермес Триждывеличайший	265
Глава 16. Дивное письмо	276
Глава 17. Лучшая библиотека со времен древности	288
Глава 18. Второе пришествие	308
Глава 19. Florentinis Ingeniis Nil Ardui Est	329

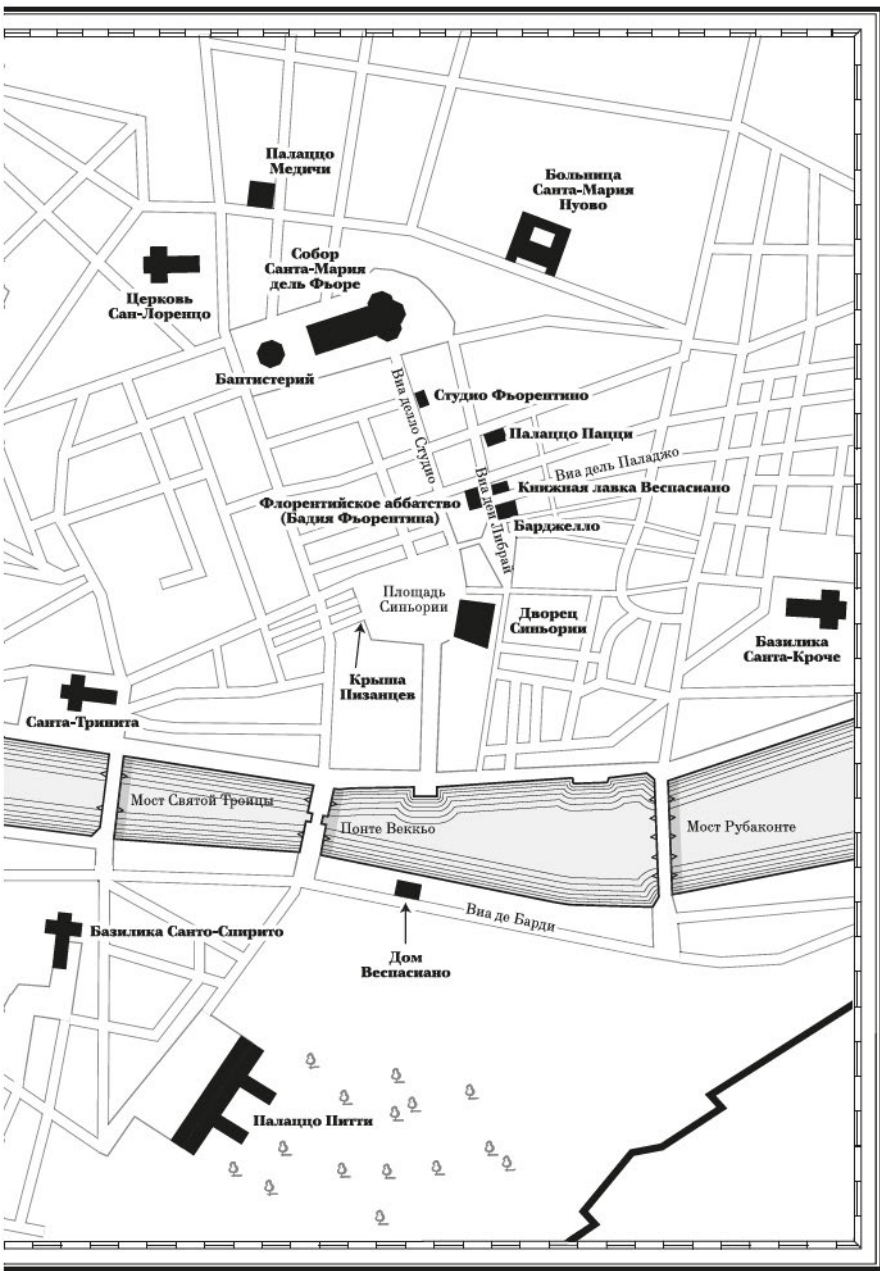
Глава 20. Для пользы всех ученых мужей	343
Глава 21. <i>Arud Sanctum Iacobum de Ripoli</i>	356
Глава 22. Поворот судьбы	370
Глава 23. Как пали сильные!	388
Глава 24. Земля забвения	399
Глава 25. Плач по Отранто	421
Глава 26. Помилуй и прости нас	438
Глава 27. Великое Соединение	448
Эпилог. Прогоняя тьму	470
Благодарности	485
Примечания	488
Избранная библиография	551
Именной указатель	559

Симонетте Брандолини д'Адда

Все зло рождается от невежества. Однако
литераторы озарили мир, прогоняя тьму.

Веспасиано да Бистиччи

УЛИЦА КНИГОТОРГОВЦЕВ

Улица Книготорговцев, Виа деи Либрай, шла через самое сердце Флоренции, от ратуши на юге до собора на севере. В 1430-х на ней обитали портные, торговцы тканями, а также бочар, цирюльник, мясник, сыровар, несколько нотариусов, книжный иллюстратор, два художника, державшие общую мастерскую, и *pianellaio*, торговец домашними туфлями. Тем не менее название она получила по нескольким книжно-канцелярским лавкам, именуемым *cartolai*.

В те дни на улице Книготорговцев было восемь *картолайо*. Звались они так потому, что продавали бумагу (*carta*) разного размера и качества, которую закупали на ближайших бумажных мануфактурах. Еще они торговали пергаментом, изготовленным из телячьих и козьих шкур. Немало пергаментных мастерских с их чанами для вымачивания располагалось на соседних улицах. Однако *картолайи* предлагали разнообразные услуги, а не просто торговали пергаментом и бумагой: они изготавливали и продавали манускрипты. Здесь клиенты могли купить подержанную книгу либо заказать новую, переписанную писцом и переплетенную в дерево или кожу, а также, если заказчик пожелает, иллюминированную — то есть украшенную миниатюрами либо

орнаментом, выполненными краской и сусальным золотом. *Картолайи* находились в самой гуще флорентийского книжного дела — они были книгопродавцами, переплетчиками, бумаготорговцами, оформителями и издателями. Предприимчивый *картолайо* мог вести дела со всеми, от переписчиков и миниатюристов до изготовителей пергамента и мастеров-золотобойцев, а иногда даже и с авторами.

В книжном деле, как и в банковском и в суконном, флорентийцы достигли больших успехов. *Картолайи* процветали, потому что во Флоренции многие покупали книги. Здесь доля тех, кто умел читать и писать, была больше, чем где-либо еще, — семь взрослых из десяти. Для сравнения, уровень грамотности в других европейских городах не достигал 25 процентов¹. В 1420-м некий флорентийский красильщик владел трудами Данте, поэмой современника Данте Чекко д'Асколи и поэзией Овидия². Все эти книги были на местном тосканском диалекте, *lingua Fiorentina*, а не на латыни, и все равно это внушительная библиотека для простого ремесленника. Даже многих флорентийских девушек учили читать и писать вопреки предостережениям монахов и других моралистов. Некий суконщик как-то похвастался, что две его сестры читают и пишут «не хуже любого мужчины»³.

Одна из самых больших книжных лавок располагалась в северном конце улицы Книготорговцев, на ее пересечении с Виа дель Паладжо, где мрачная стена дворца флорентийского градоначальника смотрит на изящный фасад аббатства, известного как Бадия. С 1430 года Микеле Гвардуччи, хозяин лавки, арендовал помещение у монахов аббатства за пятнадцать флоринов* в год плюс фунт свечного

* *Флорин* — золотая монета весом 3,536 г, которую начали чеканить во Флоренции в 1252 г. Серебряной флорентийской монетой было сольдо, которое постоянно дешевело по отношению к флорину. В начале пятнадцатого века флорин стоил семьдесят пять сольдо, к 1500-му —

воска⁴. Лавка состояла из двух помещений; одна дверь была со стороны входа в Бадию, другая, южная, открывалась на Виа дель Паладжо. Подняв голову, из нее можно было увидеть мрачную и величавую башню Палаццо дель Подеста, ныне — Национального музея Барджелло⁵. Каждое утро многие лучшие умы Флоренции собирались на углу этого дворца, в нескольких шагах от лавки Гвардуччи, и беседовали о литературе и философии. Флоренция в те дни славилась литераторами, особенно знатоками словесности и философами (от *filósofos* — любящий мудрость), людьми, которые тщательно изучали накопленную мудрость веков, и в первую очередь — творения древних греков и римлян. Многие тексты, утраченные столетия назад, были незадолго до того обнаружены такими флорентийцами, как, например, Поджо Браччолини, который к всеобщему ликованию нашел затерянные труды Лукреция и Цицерона.

Поджо был в числе тех любителей мудрости, что собирались на углу рядом с лавкой Гвардуччи. Хотя и он, и его друзья прочесывали книжные лавки в поисках манускриптов, до начала 1430-х заведению Гвардуччи нечем было их особенно привлечь. Он держал в штате талантливого иллюстратора, однако в договоре аренды Гвардуччи записан как *cartolaio e legatore*, «торговец письменными принадлежностями и переплетчик»⁶, и специализировался он не на мудреных греческих и латинских сочинениях, а на более скромном переплетном ремесле. Это значит, что, помимо бумаги и пергамента, в его лавке был большой запас застёжек и металлических накладок, досок, молотков и гвоздей, а также кипы телячьей кожи и бархата. Стук молотков, визг пил — такие звуки приветствовали каждого, входящего в лавку.

сто сорок. У Милана, Венеции и Рима была своя золотая монета, дукат, того же веса и достоинства, что флорин. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

Положению предстояло измениться. В 1433 году Гвардуччи взял нового помощника, одиннадцатилетнего мальчика Веспасиано да Бистиччи. С этого дня началась поразительная карьера Веспасиано как создателя книг и торговца знаниями. Вскоре флорентийские грамотеи будут собираться в лавке, а не на углу улицы. Ибо в мире *картолайи*, согбленных писцов, пергамента и перьев, изысканных библиотек с прикованными к скамьям увесистыми томами, Веспасиано суждено было стать тем, кого любящие мудрость назовут *rei de li librari del mondo* — «королем книготорговцев мира»⁷.

Записи о рождении не сохранилось, но, скорее всего, Веспасиано появился на свет в 1422-м, через два года после того, как Филиппо Брунеллески начал титанический труд по возведению купола — самого большого в истории — над собором Санта-Мария дель Фьоре⁸. Фамилию семья получила от Санта-Мария а Бистиччи, деревушки на склоне горы в десяти милях к юго-востоку от Флоренции. Филиппо да Бистиччи, отец Веспасиано, известный как Пиппо, подобно многим другим флорентийцам, торговал сукном. Пиппо делил время между домом, который снимал в городе, и сельским имением в пяти милях к юго-востоку, возле деревни Антелла. Имение давало пшеницу, ячмень, фасоль, инжир, вино и маслины. В 1404 году Пиппо обручился с десятилетней девочкой по имени Маттеа Бальдуччи, которая со временем родила ему шестерых детей, четырех мальчиков и двух девочек. Веспасиано был четвертым ребенком, а его необычное императорское имя (в 1420-х во Флоренции был лишь еще один Веспасиано), похоже, указывает, что родители с детства прочили ему великое будущее.

Смерть Пиппо в начале 1426 года поставила под угрозу будущее Веспасиано, которому тогда было четыре, и его

братьев и сестер. Маттеа осталась с пятью детьми, ни один из которых не достиг пятнадцати лет, беременная шестым. Еще ей достались от мужа двести пятьдесят флоринов долга. Из них восемьдесят шесть Пиппо задолжал Медичи, одному из богатейших флорентийских семейств. Это была значительная сумма, учитывая, что самое высокое жалование приказчика в сукноторговле составляло сто флоринов в год, а многие приносили домой куда меньше пятидесяти флоринов⁹. Безуспешно пытаясь выплатить мужнины долги, Маттеа переезжала во все более дешевые комнаты. В 1433 году кредиторы (в их числе был и ее последний домохозяин) изъяли землю и дом в Антелле.

Веспасиано начал ходить в школу через год или два после смерти отца. Семьдесят-восемьдесят процентов флорентийских мальчиков посещали школу — куда более высокая доля, чем в других европейских городах¹⁰. Между шестью и одиннадцатью годами Веспасиано обучался грамоте в какой-нибудь из начальных школ, которые назывались *botteghuzza*, то есть «маленькая мастерская». Первой его книгой, скорее всего, была жалкая брошюрка «Санта-кроче» на самом дешевом пергаменте, сделанном из кожи с козьей шеи. По ней он освоил алфавит и научился читать на тосканском диалекте, известном как «вульгарный язык», от латинского *vulgus* — «простой народ» или, грубее, «чернь». Другой его книгой могла быть «Бабуино», названная так потому, что школьники осваивали чтение, повторяя — обезьянничая — за учителями. Для сотен флорентийских школьников эти книги требовались постоянно, так что книготорговцам они приносили быстрый и стабильный доход¹¹.

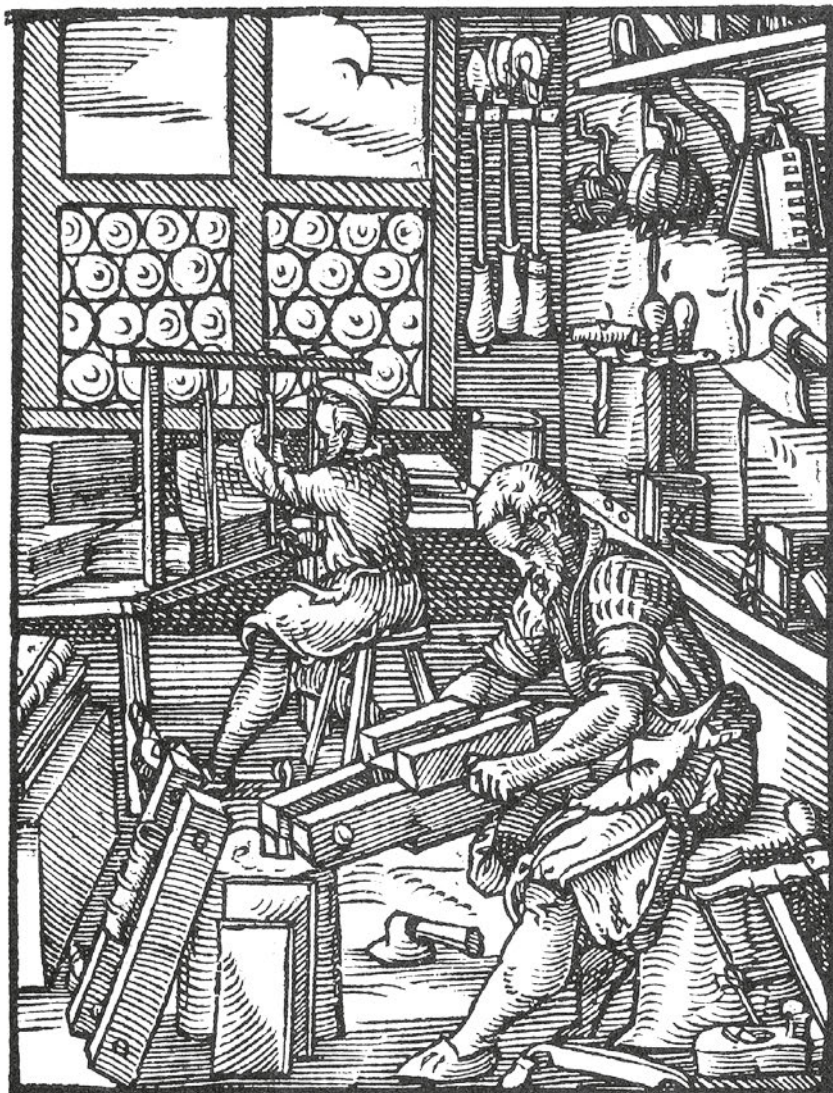
Мальчики оканчивали *botteghuzza* лет в одиннадцать. Дальше они могли пойти в грамматическую школу и зубрить латинскую словесность, готовясь к юридической или

духовной карьере, либо в арифметическую, где учили счетоводству, без которого не могли обойтись будущие флорентийские купцы. Если бы отец не умер, оставив огромные долги, и если бы матери не пришлось кормить столько детей, Веспасиано наверняка поступил бы в грамматическую школу и следующие четыре года погружался в латинскую литературу, а потом, возможно, отправился бы в университет.

Однако судьба распорядилась иначе. Примерно в 1433-м, в год, когда семья особенно бедствовала, Веспасиано закрыл учебники и в свои одиннадцать лет пошел работать. Отдали его не в торговлю шерстью, по отцовским стопам, а на улицу Книготорговцев.

В лавке Микеле Гвардуччи маленький Веспасиано наверняка с первых дней начал осваивать переплетное ремесло — завершающий этап в создании книги. Нужно было методично сложить по порядку десятки и даже сотни кропотливо исписанных листов, сшить их полосками кожи на сшивальном станке, а затем, для сохранности, закрепить между дощечками. По желанию заказчика дощечки могли обтянуть кожей, а кожу украсить металлическими накладками или тиснением. А в зависимости от стоимости книги и ее назначения — например, если ее делали для монастырской библиотеки, или для церкви, или для любого другого места, где до нее могли добраться вороватые руки, — к драгоценному тому могли прикрепить металлическую цепь, чтобы приковывать его к скамье или к полке.

Все эти операции требовали силы, терпения и точности. Буковые доски подгоняли по размеру с помощью топора или пилы, а затем обрабатывали рубанком, листы пергамента выравнивали по обрезу, просверливали буравчиком и, чтобы не коробились, отбивали молотом. Немудрено, что на изображении переплетчиков, сделанном век спустя, показаны два мускулистых здоровяка среди аккуратно

*Йост Амман. Переплетчики. Гравюра на дереве
из «Книги ремесел» Ганса Сакса*

расставленных и развешенных напильников, топоров, лучковых пил, молотков, тисков, шивальных станков и кожевенного инструмента.

Судя по всему, Веспасиано в совершенстве овладел ремеслом. Позже он славился, помимо прочего, качеством своих переплетов, которые для особо ценных томов обтягивал красным бархатом. Без сомнения, не менее важно для Гвардуччи было и другое обстоятельство: обаятельный молодой подмастерье умел привлечь покупателей. Кроме того, он был любознателен и хотел знать больше не только о переплетах и цепях, но и о том, что внутри книг. Очень скоро у него появились с посетителями лавки общие интересы, не связанные напрямую с коммерцией.

И впрямь, за короткое время Веспасиано познакомился со многими выдающимися людьми Флоренции — любителями мудрости, собиравшимися на углу улицы, — и, очевидно, произвел на них благоприятное впечатление. Ему повезло стать учеником Гвардуччи в те годы, когда политические события привели во Флоренцию многих знаменитых людей. Еще ему повезло, что именно в эти годы заново находились утерянные на века древние манускрипты, а папы и князья собирали обширные библиотеки, в которых книги служили не только украшением на потеху хозяйскому тщеславию, но и хранилищами мудрости, открытыми для других.

Флорентийские переписчики, ученые и книготорговцы стали передовым отрядом революции в познании. Флорентийское Возрождение вызывает у нас образы прекрасных фресок и алтарей, беломраморных статуй в динамичных позах и оранжевого купола над городским собором — всего того, что создали блистательные архитекторы, ваятели и живописцы. Однако для следующих веков не менее важны были флорентийские философы, те, кого потомок назовет «мудрыми и доблестными мужами», которым Фло-

ренция «обязана всем своим великолепием»¹². То были охотники за манускриптами, учителя, переписчики, библиотекари, нотариусы, священники и книготорговцы — книгогоечи, которые сдули пыль с тысячелетий истории и попытались вообразить и создать другой мир: мир патриотического служения, дружбы и верности, утонченных радостей, мудрости и достойного поведения, справедливости, героизма и политических свобод — лучшее общество для счастливой и полноценной жизни.

Одним из первых молодым подмастерьям заинтересовался кардинал Джулиано Чезарини; он и ввел Веспасиано в заветный круг мудрых и доблестных мужей. Когда они познакомились в лавке Гвардуччи, Веспасиано было лет шестнадцать.

Кардинал Чезарини был выдающийся ученый и наставник, бывший преподаватель юриспруденции в престижном Падуанском университете. Хотя он происходил из благородного и древнего римского рода, в годы учебы ему пришлось хлебнуть бедности. Он сам переписывал себе учебники, потому что не мог купить, а когда служил учителем в богатых домах, собирал после пиршеств свечные огарки, чтобы дольше заниматься по ночам, — ибо в те годы для овладения знаниями требовались не только книги, но и запас свечей.

Поэтому Чезарини постоянно высматривал тех, чья тяга к знаниям была обратно пропорциональна финансовым возможностям. Он, очевидно, заметил Веспасиано как толкового и ревностного ученика. Они сдружились — молодой переплетчик и сорокаоднолетний кардинал, объездивший по делам папы всю Европу, от Оксфорда до Кракова. Однажды он сделал юноше заманчивое предложение — оплатить ему учебу для вступления в духовный сан. Чезарини дал молодому человеку пятнадцать дней на

раздумья и по прошествии этого времени пришел за ответом. «Я сказал, что не хочу становиться священником», — вспоминал позднее Веспасиано. Кардинал огорчился, но не обиделся. «Он ответил, что если когда-нибудь сможет мне помочь, — писал Веспасиано, — то непременно поможет»¹³.

Кардинал Чезарини не сумел исполнить обещание, потому что год спустя погиб в битве с турками в Восточной Болгарии. Его останки так и не нашли на поле боя у Черного моря, однако речь на панихиде по нему произнес в Риме перед папой его друг, переписчик и ученый Поджо Браччолини, трудившийся в Римской курии, папском чиновничьем аппарате. Не исключено, что именно Поджо привел кардинала в лавку Гвардуччи и познакомил с Веспасиано. Он был сыном торговца пряностями из деревни в тридцати милях к юго-востоку от Флоренции, однако всегда подписывался «Поджо Флорентийский», гордо связывая себя с городом, куда, примерно в 1400-м, пришел двадцатилетним юношей учиться всего с несколькими монетами в кармане. Он выучился на нотариуса, недолгое время работал писцом, затем уехал в Рим, где получил место в курии. Там он трудился без радости и за низкую плату, мечтая о жизни «свободной от городской суеты», в которой располагал бы досугом писать книги и еще большим временем, чтобы их собирать¹⁴.

Другим посетителем лавки в те годы был друг Поджо Никколо Никколи, который, как и кардинал Чезарини, всегда готов был поддержать бедствующих учеников. Веспасиано познакомился с ним в 1433-м или 1434-м, когда Никколи было под семьдесят. Дородный, красивый, вероятно утонченный Никколи всегда носил длинную одежду сливового цвета. Он приглашал молодого человека обедать в свой дом, где тот дивился великолепию обстановки:

мраморным статуям, античным вазам, мозаичным столам, древним надписям, карте мира, нарисованной выдающимися художниками. «Во всей Флоренции, — восклицал позже Веспасиано, — не было лучшего убранства»¹⁵.

Общество Никколи наверняка приводило молодого Веспасиано в восторг. Поджо называл его «ученейшим гражданином Флоренции»¹⁶ — титулом, за который состязались столь многие. Он был одним из городских чудес; позже Веспасиано утверждал, что «чужеземцам, посещавшим в те времена Флоренцию, казалось, что они вовсе не видели города, если не побывали в доме Никколо», который стоял неподалеку от собора, возле церкви Сан-Лоренцо¹⁷. Никколи дружил с Брунеллески, тогда уже завершавшим возведение купола, и, подобно Брунеллески, интересовался античной архитектурой. Он карабкался по развалинам амфитеатров и терм, измерял, засучив рукава, пропорции колонн, считал число храмовых ступеней. Еще он водил дружбу со скульпторами Донателло и Лоренцо Гиберти. «Жены не имел, — писал позже Веспасиано, — так как не хотел никаких помех своим занятиям», однако на протяжении тридцати лет содержал «для своих нужд» темпераментную любовницу по имени Бенвенута¹⁸. Ее он увел у одного из пяти младших братьев, а тот в отместку прибег к чудовищному старинному наказанию: ее раздели догола и выпороли на площади. Этот эпизод не улучшил отношения Никколи с братьями, уже и без того испорченные его привычкой продавать семейные владения (их отец был преуспевающим сукноторговцем), чтобы выручить средства на покупку книг.

Больше всего Никколи гордился своей библиотекой. Один из друзей одобрительно назвал его «ненасытным пожирателем книг»¹⁹. Он владел более чем восемью сотнями рукописей — одним из самых больших и ценных книжных

собраний Европы. Никколи собирал свои манускрипты, как он утверждал, «с великим прилежанием и рвением с тех пор, как вошел в возраст»²⁰, то есть с тех пор, как оставил отцовское дело и посвятил себя ученым штудиям. В его библиотеке было более ста греческих манускриптов, иные пятивековой древности. Он обладал сочинениями Платона и Аристотеля, копиями «Илиады» и «Одиссеи», комедиями Аристофана, трагедиями Еврипида и Эсхила. Его собрание латинских трудов было еще обширнее: тридцать четыре тома одного лишь Блаженного Августина, шестнадцать томов Священного Писания. У него имелись древние трактаты по географии, праву, астрономии, архитектуре, медицине, содержанию лошадей и скота. Он владел манускриптами на армянском и арабском, а также томом славянских гимнов.

Чего в библиотеке Никколи не было, так это книг на итальянском, «вульгарном языке», который оскорблял его чувства. Даже творения Данте были под запретом, ибо Никколи считал, что страницы «Божественной комедии» годятся лишь заворачивать рыбу или мясо. Почти так же его возмущало все, написанное на латыни за последнюю тысячу лет, ибо славный язык Цицерона, дышащий мощью Рима, привели в упадок небрежность и невежество христианских авторов и переписчиков. Он даже начал составлять руководство по латинскому правописанию для юношества, но так и не закончил, поскольку, по словам Веспасиано, «вследствие изощренности ума всегда бывал недоволен написанным»²¹.

Многое другое оскорбляло тонкую натуру Никколи. Письмо средневековых переписчиков с его угловатыми, плотно расположенными, часто налезавшими одна на другую буквами было не только некрасиво, но и почти нечитаемо. Наряду с мечтой возродить неиспорченную латынь

Eius autē quae iucta morbos curat longe clarissimi auctores etiam
alij quaedam agitare conati: rerum quoq; naturae sibi cognitionē
iudicauerunt: tanq̄ sine ea trunca & debilis medicina esset. Post
quos serapion primus omnium nihil hanc rationalem disciplinam
pertinere ad medicinam professus: in usu tantū & experimentis tam
posuit. Quem apollonius & glaucias & aliquanto post herachides ta-
rantinus: alij quoq; non mediciores uiri sequuti ex ipsa professione se
ΕΜΠΕΙΡΗΥΟΣ appellauerunt. Sic in duas partes ea quoq; quae ui-
tu caret medicina diuisa est. Alij rationalem artem: alij usum tā-
tum sibi iudicantibus. Nullo quom̄ ^{uero} quicquā post eos qui supra cā-
prehensi sunt agitante nisi quod acceperat donte asclepiades me-
dendi rationem ex magna parte mutauit. Ex cuius successoribus
themison nuper ipse quoq; quaedam in senectute deflexit. Et per
hos quidem maxime uiros salutaris ista nobis professio increuit.
Quoniam autē ex tribus medicinae partibus ut difficillima sic etiam
clarissima est ea quae morbis medetur. ante omnia de hac dicen-
dum est. Et quia prima in ea dissensio est quod alij sibi experimentoz
tantūmodo notitiā necessariam esse contendunt. Alij nisi corporum
rerumq; ratione comperta non satis potentē usum esse proponunt. In
dicandum est quae maxime ex utraq; parte dicantur: quo facilius
nostra q̄q; opinio interponi possit. INITIUM MEDICINAE.

Цицерона и вернуть архитектуру к изящной и упорядоченной красоте древнеримских строений, у Никколи была мечта создать то, что Поджо, разделявший его устремления, называл «письмом, напоминающим античное»²², — аккуратное и пристойное начертание букв, какое, по мнению этих двоих, было в ходу у древних римлян. Многие манускрипты для своей библиотеки, в частности творения Цицерона, Лукреция и Авла Геллия, Никколи сам переписал своим отчетливым, с наклоном вперед, почерком. В этих манускриптах он, по словам Веспасиано, показал себя «великолепным переписчиком»²³.

Обедая за столом у Никколи, где на белоснежной скарти стояли фарфоровые блюда и хрустальные кубки, слушая, как хозяин рассказывает о Брунеллески или спорит с другими гостями, кто из философов выше, Платон или Аристотель, а затем вместе с хозяином восторгаясь бесценными томами в библиотеке, юный Веспасиано наверняка понимал, что всего за год-два вступил в дивное, блистательное общество. То был, как он позже вздыхал, *questo secolo aureo* — «сей золотой век»²⁴.

Веспасиано напишет это много десятилетий спустя, когда уже давно не будет в живых Никколи, Поджо и других любителей премудрости, познакомивших его с чудесами древних манускриптов. В сей золотой век он лицезрел достижения флорентийских живописцев, ваятелей и зодчих, таких людей, как Брунеллески и Донателло, «чи творения, — писал он, — все мы можем видеть своими глазами»²⁵. И в то же время он десятилетиями наблюдал из своей лавки чудовищные потрясения: заговоры, эпидемии, войны, вторжения, а за пределами лавки — страшные убийства и мерзостные деяния «чрезмерной жестокости»²⁶. Все эти бедствия превратили волшебный мир его воображаемой

Флоренции в то, что он в отчаянии назвал «землей забвения»²⁷.

Тем временем перемены происходили в ремесле самого Веспасиано. Пока король книготорговцев мира был в зените славы и делал для князей и пап роскошные манускрипты, написанные чернилами и пером, украшенные серебром и золотом, по другую сторону Альп, на берегах Рейна, немецкий ювелир Иоганн Гутенберг начал оттискивать на бумаге металлические буквы, превращая книги из рукописных в печатные, заменяя труд согбенного над пергаментом писца в механический типографский процесс, позволяющий воспроизводить тома знаний сотнями и тысячами. Начиналась новая эра.

Кинг Р.

К 41 Книготорговец из Флоренции / Росс Кинг ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 576 с. : ил.

ISBN 978-5-389-20791-2

Флоренция эпохи Возрождения. Эти слова приводят на память образы прекрасных творений искусных художников и архитекторов. Но не менее значимыми были свершения творцов в иной области: флорентийских охотников за рукописями, писцов, ученых и книготорговцев, которые смахнули пыль веков с античного знания, открывая и распространяя которое они творили новый просвещенный мир.

Именно в этой сфере достиг грандиозного успеха Веспасиано да Бистиччи — «король книготорговцев», которому посвящена новая захватывающая книга Росса Кинга, автора бестселлеров «Леонардо да Винчи и „Тайная вечеря“», «Микеланджело и Сикстинская капелла» и многих других.

Манускриптами, созданными под руководством Веспасиано, стремились украсить свои библиотеки просвещенные монархи и римские понтифики... Но крах грандиозного предприятия «короля книготорговцев» был предрешен: книгопечатание сделало книги доступными для многих.

Драматические политические и религиозные потрясения эпохи, история философской мысли и европейский мир периода грандиозных и судьбоносных перемен представлены Россом Кингом сквозь призму биографии экстраординарного человека, несправедливо забытого историей, Веспасиано да Бистиччи — подлинного титана Возрождения.

УДК 7.07

ББК 85

Литературно-художественное издание

РОСС КИНГ
КНИГОТОРГОВЕЦ
ИЗ ФЛОРЕНЦИИ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Наталья Бобкова, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.04.2022. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА@
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-AAT-29696-01-R